

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.6

КРИТЕРИИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Р. М. Шамионов

Шамионов Раиль Мунирович - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: shamionov@mail.ru

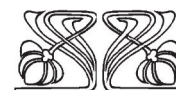
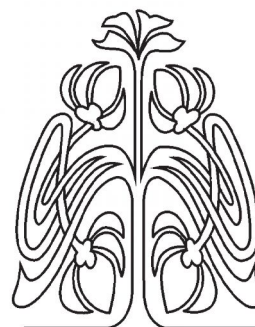
Предпринят теоретический анализ социокультурной детерминации критериев субъективного благополучия, на основе которых выносятся суждения о счастье, удовлетворенности жизнью и собой. Выделены основные детерминанты (культурные характеристики того общества, в котором в наибольшей степени социализируется та или иная личность, социально-экономическое и политическое состояние общества, определяющее актуальность потребностей того или иного порядка, свойства субъекта, способность выстраивать свою жизнь в соответствии с конструируемыми целями и задачами, ценностно-смысловые ориентации личности на разных этапах жизненного пути и др.). Утверждаются сходство и различие критериев благополучия в разных культурах. Отмечено, что взаимное проникновение культур и оторванность современного человека от конкретной культуры приводит к смешению представлений о критериях благополучия, транслируемых из разных источников. Социальное становление личности сопровождается изменениями и сменой доминирующих институтов социализации и накоплением опыта, что в значительной степени способствует коррекции содержания представлений о благополучной жизни и в большей степени индивидуализации и выработке собственных критериев и, в результате, - их большей автономизации.

Ключевые слова: субъективное благополучие, счастье, удовлетворенность жизнью, культура, критерии, социализация.

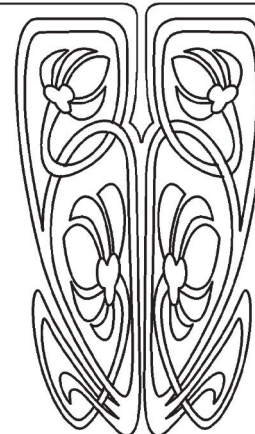
DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218

Введение

Субъективное благополучие личности как предмет психологического исследования вошло в обиход науки относительно недавно. Оно подразумевает различные явления, которые в той или иной мере связаны с переживанием счастья. Мыслители разных времен и народов обращались к этому феномену на протяжении длительного времени. В сохранившихся текстах философов можно обнаружить идеи отражающие понимание счастья, его разновидности и начала. Не включаясь в анализ различных философских воззрений, отметим лишь, что в текстах наиболее почитаемого психологами философа древности Аристотеля отмечается, что счастье может подразумевать различные обстоятельства жизни для разных людей и, более того, в жизни отдельного человека основаниями (или критериями) счастья могут быть разные явления, в зависимости от обстоятельств, к тому же оно связано с образом жизни. Между тем в понимании счастья Аристотелем последовательно проводится мысль, что это деятельность души в полноте добродетели.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В современной психологии не сложилось общепризнанного определения субъективного благополучия личности и часто оно представляется как интегральное образование, включающее «эвдемонистическое и гедонистическое благополучие». Под субъективным благополучием нами понимается эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, *своей личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных и смысловых представлений* о «благополучной» внешней и внутренней среде, выражающееся в удовлетворенности ею, ощущении счастья [1]. Основными компонентами являются «ощущение» счастья, удовлетворенность жизнью, собой, согласованность (баланс) эмоций. Однако это далеко не полный перечень. Сегодня развернулись дискуссии относительно того, что можно было бы отнести к субъективному благополучию из того, что придает осмысленность жизни или психологическую устойчивость человеку. Для психологического анализа субъективного благополучия личности наиболее важными являются его психологические механизмы. Вместе с тем, если они являются наиболее стабильными, то наиболее динамичными, очевидно, выступают критерии благополучия и счастья. Поэтому эмпирически весьма сложно вычленить критерии, на основе которых выносится суждение о личном благополучии; они могут быть весьма разнородными и относиться к разным классам явлений - эмоциональной оценке «счастья», экономическому благополучию или достижениям иного плана, как, например, представленные в общественном сознании оценки признания или осознание реализации своего предназначения в какой-либо ипостаси или субъектной позиции, в которой слиты воедино характеристики личности, отражающие способность находиться в динамическом равновесии (благодаря развитой системе самоуправления и саморегуляции) между собственными целями и задачами и социальной ситуацией и ее изменениями, наконец, «ощущением осмысленности бытия». Иными словами, переживание благополучия связано, прежде всего, с теми областями бытия («бытийными пространствами») [2], которые предстают значимыми для личности. Понятно, что одни пространства бытия в этом отношении являются более устойчивыми (незыблемыми), другие - ситуативными, что зависит от возрастных (субкультурных), социально-личностных (например, социальной зрелости человека) и, в некотором смысле, экономических обстоятельств в жизни индивида. Цель данного исследования - провести теоретический анализ проблемы социокультурной детерминированности критериев благополучия личности.

Социокультурная детерминированность критериев благополучия личности

Критерии счастья, благополучной жизни представляют собой оценочные отношения, распространенные в обществе. Представления о счастье содержатся в литературных текстах, религиозных трактатах, продуктах массовой культуры. Однако усвоение и выработка личностью собственных критериев происходит неравномерно во времени, равно как и удельный вес этих когнитивных весьма различен, поскольку их источники не обладают одинаковой силой и привлекательностью для представителей различных групп (сообществ). Вместе с тем существуют относительно универсальные критерии, транслируемые из различных источников.

В отличие от обыденных представлений о счастье, культура содержит в себе обобщенные и абстрагированные категории, отражающие не столько способы достижения, сколько характеристики желаемого состояния, которое возникает при определенных обстоятельствах. По сути, в них представлены идеи, которые в той или иной мере соотносятся с изречениями древних философов.

В традиционной народной культуре отражены важнейшие идеи относительно счастья, того, как его «добыть» и «не растерять». В исследовании Л. Е. Тарасовой проведен анализ поговорок и пословиц на тему счастья у русских и казахов, где народная мудрость в выкристаллизованном виде утверждает основы бытия «во счастье». Немаловажным является то, что в артефактах культуры представлена вся регуляционная система: что является основанием счастья, на что оно влияет, как можно его сохранить; счастье познается в сравнении с противоположным переживанием, которое, однако, чаще представляется не несчастьем, а бессчастьем, подчеркивается неустойчивость его переживания, а также то, что счастье имеет двойной статус: с одной стороны, оно достигается, а с другой - подчеркивается его непредсказуемость, так же, как удачи, кроме того, в них практически отсутствует утилитарность [3]. По сути, культура в обобщенном виде транслирует представления о должном как принципы, живя в соответствии с которыми человек способен обрести счастье и благополучие (душевный комфорт). Однако традиционные ценности все время подвергаются проверке или даже ревизии в соответствии с информационными потоками и собственным опытом личности.

Б. Г. Ананьев подчеркивал, что личность - продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее собственного жизненного пути [4]. И именно поэтому столь многообразны субъективные критерии благополучия, хотя ин-

станций, транслирующих их, не так много, и они служат одной цели - формированию определенной культуры, в которой критерии благополучия тесно переплетены с общественными установками. Эти установки весьма тенденциозны и в настоящее время соответствуют установившемуся «обществу потребления». В этом смысле можно было бы предположить конкурентные отношения между нормами, регламентирующими критерии благополучия «современной жизни», представленными по преимуществу в массовой культуре, и представлениями, основанными на традиционных ценностях. Поэтому столь неоднозначны отношения личности к тем или иным явлениям жизни, позволяющим испытывать благополучие. Особенно усиливаются противоречия между разными критериями в периоды насыщения потребностей определенного уровня, когда возникают своего рода «пустоты» - либо цели достигнуты, либо смыслы нарушены, либо ценности «требуют переоценки».

Между тем по мере развития личности, социальных достижений происходит и смена (или корректировка) ценностно-смысловых и потребностно-мотивационных представлений, благодаря чему происходит и изменение внутренних критериев благополучия, поэтому если на одних этапах жизни критерии благополучия представляют одну картину согласованных представлений, то на других - другую. В ряде исследований утверждается, что в разные периоды жизни уровень субъективного благополучия, оцениваемый по степени самооценки удовлетворенности жизнью [5], отличается, однако исследователи объясняют это либо снижением общей отрицательной эмоциональности с возрастом, либо преодолением каких-то критических (фрустрирующих) социально-статусных явлений. Детального изучения критериев в динамическом аспекте не предпринято, но такое знание позволило бы понять соответствующий вклад актуализирующихся потребностей и задач, которые решаются субъектом в условиях реального времени и этапа жизненного пути. Однако представление о том, что субъективная оценка благополучия зависит от степени удовлетворения потребностей индивида, является весьма упрощенным, поскольку простого удовлетворения пусть и актуальных, значимых потребностей совершенно недостаточно для переживания благополучия социализированным индивидом.

Представление о том, что человек благополучен, счастлив, удовлетворен жизнью, происходит и из его «знания жизни», соотношенной с собственной жизнью. Очевидно, чем глубже переживания, шире опыт, «экзистенциальный опыт» [6], тем богаче критериальный арсенал, с помощью которого возможно обретение понимания этого переживания. В результате накопления

собственного опыта жизни, экзистенциального опыта происходит отрыв от весьма изменчивых внешних критериев благополучия, транслируемых массовой культурой.

Критерии благополучия обуславливаются и ценностными предпочтениями субъекта. В ряде исследований было отмечено, что ценности выступают внутренними детерминантами субъективного благополучия [7, 8]. Однако это не означает лишь взаимную согласованность отдельных ценностей и компонентов субъективного благополучия. С одной стороны, ценности регулируют поведение субъекта, обуславливая общую направленность на те или иные объекты действительности, а с другой - дифференцируют объекты с точки зрения их притягательности. Д. А. Леонтьев отмечает, что трансформация ценностей социальных общностей в личностные происходит посредством двунаправленного процесса: как движение от ценностей групп к личным ценностям (социальное, внутреннее) и от структуры индивидуальной мотивации к структуре, в которой главенствующую роль играют ценности [9]. Иначе говоря, согласованность мотивации и ценностей не только придает внутреннюю согласованность личности, но и становится критерием для оценки удовлетворенности различными видами деятельности и даже жизнью. Отсюда вполне очевидно, что согласованность значимости и доступности (реализуемости) ценности выступает критерием благополучия.

А. Кроник и Р. Ахмеров [10], исходя из понимания счастья как «переживания слияния с миром, в котором отражается действительная полнота человеческого бытия», выделяют четыре установки по способам обретения счастья: 1) гедонистические, формирующиеся на основе принципа максимизации полезности мира и являющиеся его конкретизацией; 2) аскетические, формирующиеся на основе принципа минимизации потребностей; 3) деятельные - формируются на основе принципа максимизации способностей; 4) созерцательные - формируются на основе принципа минимизации сложности мира. На основе этих установок формируются стили жизни. Из этой модели следует, что в зависимости от доминирующих установок личность может опираться на соответствующие критерии благополучия. Иначе говоря, стиль жизни в определенной степени задает вектор достижений, которые оцениваются с позиции должного. Поэтому критерии благополучия лиц, реализующих бытие, выстраивающих свой жизненный путь по «индивидуальному маршруту» и способами в соответствии с индивидуально-типологическими личностными характеристиками, могут в значительной степени различаться.

Исследования, проведенные психологами за последние годы, убедительно доказывают, что существенными для переживания счастья, благополучия выступают культурные феномены. Безусловно, они обуславливают его не сами по себе, а в комплексе с другими явлениями, в ряду которых и социальные, и психофизиологические, психологические и социально-психологические. Понятно, что критерии благополучия усваиваются личностью в процессе ее социализации. Исходя из того, что социализация личности имеет несколько уровней и множество институтов, критерии благополучия или счастья оказываются столь же сложно организованными в определенную систему. Соотнесение личного бытия и неписаных критериев осуществляется за счет механизмов социального сравнения. Между тем взаимное проникновение культур и оторванность современного человека от конкретной культуры приводят и к смешению (порой весьма причудливому) представлений о должном. Современная цивилизация, по мысли одного из авторитетных исследователей «оптимального переживания» Михайя Чиксентмихайи, лишается того порядка, который приносили в мир религия, патриотизм, народные традиции и общественные нормы. Поэтому защитные механизмы, выработанные в прошлом, оказываются неэффективными для все большего количества людей, результатом чего является отсутствие внутреннего порядка, ведущее к «онтологической тревоге» или «страху бытия» [11]. Очевидным выходом из этой ситуации является, по мнению автора, «возвращение к переживанию», самоуправление жизнью, основанное на автономии, обретение контроля над сознанием, чтобы получать радость от «каждого сиюминутного события», видя смысл в процессе жизни самой по себе [11]. Иначе говоря, человек сам способен, организуя свое сознание, используя свою активность, создавать и актуализировать цели, двигаться к ним, и (формируя свое отношение к происходящему) испытывать положительные эмоции. В этом смысле человек, реализующий свою субъектность, способен использовать собственные критерии для оценки своего благополучия. В какой степени они могут быть оторваны от культурных (социальных или групповых) норм? На наш взгляд, в незначительной, поскольку личность - социализированное существо и вне зависимости от отдаления от актуального социального контроля находится под его действием на уровне своей «автономии». Из этого, очевидно, следует, что различные критерии благополучия могут быть по-разному выстроены конкретной личностью, но их содержание по-прежнему творимо общностью посредством социального творчества.

Важнейшим обстоятельством в определении критериев субъективного благополучия является,

несомненно, то, что система верований и убеждений, не подвергаясь «эмпирической проверке» или критическому осмыслению под влиянием каких-либо житейских событий и ситуаций, проникая вглубь личности, ее ценностно-смысловых ориентаций, оказывается важнейшим не только в определении стратегий каких-либо достижений, но и в оценке своего бытия. Необходимо понимать, что даже в восприятии временных отрезков с точки зрения переживания благополучия имеются культурные различия.

Исследования, проведенные американцами [12], установили взаимосвязь субъективного благополучия и положительного самоотношения в настоящем у американцев европейского и азиатского происхождения, однако положительные оценки Я в прошлом сопровождалась субъективным благополучием только у американцев азиатского происхождения. Иначе говоря, критерии благополучия могут включать (или не включать) в соответствии с культурными нормами оценку себя и своих достижений во временных диапазонах.

Как было отмечено нами ранее, общим моментом для большинства современных исследований этнокультурных факторов субъективного благополучия является противопоставление культур: национальных, западной и восточной, северной и южной (по цивилизационному признаку) и в некоторых случаях - этнических [1]. Однако большинство исследователей не рассматривают в качестве предмета критерии, на основе которых выносятся суждения личности о переживании благополучия. Одно из редких исключений составляет изучение представлений о счастье и ценностных оснований (представлений) счастья, предпринятое И. А. Джидарьян [13]. В результате этих исследований показано, что представления о счастье проявляются в двух основных формах - в концептуально-житейских (идеальные) и конкретных образах счастливого человека [13]. Однако наполнение этих представлений может быть различным в зависимости от условий социализации личности. Например, в исследовании И. А. Джидарьян было показано, что в русской культуре наиболее распространенными характеристиками счастья являются любить и быть любимым, семейное благополучие, радости жизни, самореализация, ощущение полноты жизни, потребность смысла жизни и др. Вместе с тем в более ранней работе И. А. Джидарьян было отмечено, что, например, в русской культуре в большей степени поддерживается идея презентации несчастья, нежели счастья, поскольку, если достижение счастья может быть связано с собственными усилиями человека, то несчастье - это некий результат «удара судьбы, как проявления беды, от которой никто не застрахован» [14, с. 203], и, следовательно, не

зависит от самого человека, что позволяет ему не быть ответственным за это. Некоторые параллели открылись и в исследовании В. Ф. Петренко и О. В. Митиной при изучении представлений о счастье русских женщин и американок. В частности, было обнаружено, что женское счастье в русской выборке особенно полно может быть реализовано в семье, в то время как американские респондентки, наоборот, считают, что женское счастье достижимо в профессиональной самореализации [15].

Важнейшим фактором субъективного благополучия являются культурные переменные. Вполне очевидно то, что различные культурные ориентации задают соответствующий вектор в оценке своей жизни и своего места в ней. Так, в результате исследований Л. Лу и Р. Гилмор сделан вывод о том, что китайцы обладают более социально ориентированным благополучием, а американцы - индивидуально ориентированным [16]. В наших исследованиях было показано, что у русских психологическое благополучие обуславливается культурной характеристикой «горизонтальный индивидуализм», у казахов - «горизонтальный коллективизм», наиболее выраженными в соответствующих выборках [1]. Иначе говоря, сложившаяся в культуре традиция может проникать на уровень критериев субъективного благополучия через соответствующие установки. В процессе социализации личность усваивает основные признаки «хорошей жизни». Если для европейца они в большей степени обусловлены индивидуальным продвижением и автономностью, то для представителя востока более важны общественные достижения.

Поскольку социальная система многослойна и личность социализируется, включаясь в разные групповые образования, критерии благополучия, соответственно, также оказываются многослойными: не только сквозные универсальные, но и специфичные, соответствующие определенным условиям.

Субъективация критериев происходит за счет сложных внутренних ассоциаций, которые благодаря отношениям личности к жизни приобретают направленность и определенную целостность. В этом отношении модели регуляции поведения имеют важное значение, поскольку раскрывают внутренние «слои» благополучия. В разных жизненных ситуациях личность может испытывать благополучие по разным основаниям.

Заключение

Таким образом, критерии благополучия, на основе которых выносятся субъективное суждение об удовлетворенности жизнью, собой, о счастье, в значительной степени обусловлены во-первых, культурными характеристиками того

общества, в котором в наибольшей степени социализируется та или иная личность, во-вторых, социально-экономическим и политическим состоянием общества, определяющим актуальность потребностей того или иного порядка, в-третьих, свойствами субъекта, способностью выстраивать свою жизнь в соответствии с конструируемыми целями и задачами, наконец, ценностно-смысловыми ориентациями личности на разных этапах жизненного пути.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (грант №14-06-00250 а).

Библиографический список

1. Шамянов Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психол. журн. 2014. Т. 35, № 4. С. 68-81.
2. Рябикова З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств. Субъект, личность и психология человеческого бытия. М., 2005. С. 45-57.
3. Тарасова Л. Е. Мировоззренческие проблемы в артефактах духовной культуры разных этносов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: www.science-education.ru/118-14346 (дата обращения: 20.01.2015).
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. 288 с.
5. Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003, 271 с.
6. Знаков В. В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2013. Т. 34, № 2. С. 29-38.
7. Бочарова Е. Е. К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 10. С. 226-231.
8. Шамянов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004. 180 с.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 2007. 511 с.
10. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия : Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М., 2003. 284 с.
11. Чиксентмихайи М. Поток : психология оптимального переживания. М., 2011. 461 с.
12. Kim Y. H., Cai H., Gilliland M. [et al.]. Standing in the glory or shadow of the past self : cultures differ in how much the past self affects current subjective wellbeing // Emotion. 2012. Vol. 12, № 5. P. 1111-1117.
13. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013. 268 с.
14. Джидарьян И. А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 187-223.

15. Петренко В. Ф., Митина О. В. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // *Вопр. психологии*. 2000. № 1. С. 68-86.
16. Lu L., Gilmour R. Individual-oriented and socially oriented cultural conceptions of subjective well-being : Conceptual analysis and scale development // *Asian Journal of Social Psychology*. 2006. № 9. P. 36-49.

Criteria of Subjective Personal Well-Being: Socio-Cultural Determinancy

Rail M. Shamionov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: shamionov@mail.ru

We have attempted theoretical analysis of social and cultural determination of the criteria of subjective well-being on the basis of which judgments about happiness, satisfaction with life and oneself are drawn. We have singled out the basic determinants (cultural characteristics of the society where this or that identity is the most socialized, socio-economic and political state of the society that determines the urgency of needs of a particular order, the properties of the subject, the ability to build their lives in accordance with constructed goals and objectives, value and semantic orientations of a person at different stages of life, etc.). We claim that there are similarities and differences between the criteria of well-being in different cultures. It is noted that the interpenetration of cultures and the alienation of the modern man from a particular culture leads to confusing ideas about the criteria of well-being that are broadcast from different sources. The social formation of a person is accompanied by changes and the change of the dominant institutions of socialization and gaining experience, which greatly contributes to correcting the content of ideas about well-being, and to a greater degree of individualization and developing one's own criteria and, as a result, to their greater autonomization.

Key words: subjective well-being, happiness, satisfaction with life, culture, criteria, socialization.

References

1. Shamionov R. M. *Etnokul'turnye faktory sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* (Ethno-cultural factors of personality's subjective well-being). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2014, vol. 35, no. 4, pp. 68-81 (in Russian).
2. Ryabikina Z. I. *Lichnost' kak sub"ekt formirovaniya bytiynykh prostranstv* (Personality as subject of formation of being spaces). *Sub"ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* (Subject, personality and psychology of human being). Moscow, 2005, pp. 45-57 (in Russian).
3. Tarasova L. E. *Mirovozzrencheskie problemy v artefaktakh dukhovnoy kul'tury raznykh etnosov* (Worldview problems in artifacts of spiritual culture by different ethnic groups). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), 2014, no. 4. Available at: www.science-education.ru/118-14346 (accessed 20 January 2015) (in Russian).
4. Anan'ev B. G. *Chelovekkak predmet poznaniya* (Human as object of knowledge). St.-Petersburg, 2001. 288 p. (in Russian).
5. Argayl M. *Psikhologiya schast'ya* (Psychology of happiness). St.-Petersburg, 2003. 271 p. (in Russian).
6. Znakov V. V. *Teoreticheskie osnovaniya psikhologii chelovecheskogo bytiya* (Theoretical foundations of psychology of human being). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2013, vol. 34, no. 2, pp. 29-38 (in Russian).
7. Bocharova E. E. *Kvoprosu o vnutrennikh determinantakh sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* (Revisited internal determinants of personality's subjective well-being). *Izv. Penzenskogo gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo* (Izv. Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo), 2008, no. 10, pp. 226-231 (in Russian).
8. Shamionov R. M. *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* (Psychology of personality's subjective well-being). Saratov, 2004. 180 p. (in Russian).
9. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla* (Psychology of sense). Moscow, 2007. 511 p. (in Russian).
10. Kronik A. A., Akhmerov R. A. *Kauzometriya: Metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogoputi* (Cause-metry: Methods of self-knowledge, psychodiagnosis and psychotherapy of life way). Moscow, 2003. 284 p. (in Russian).
11. Chiksentmikhay M. *Potok: Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* (Stream: Psychology of optimal experience). Moscow, 2011. 461 p. (in Russian).
12. Kim Y. H., Cai H., Gilliland M. et al. Standing in the glory or shadow of the past self: cultures differ in how much the past self affects current subjective wellbeing. *Emotion*, 2012, vol. 12, no. 5, pp. 1111-1117.
13. Dzhidar'yan I. A. *Psikhologiya schast'ya i optimizma* (Psychology of happiness and optimism). Moscow, 2013. 268 p. (in Russian).
14. Dzhidar'yan I. A. *Schast'e i udovletvorennost' zhiznyu v russkom obshchestve* (Happiness and life satisfaction in Russian society). *Rossiyskiy mentalitet: voprosy psikhologicheskoy teorii i praktiki* (Russian mentality: questions of psychological theory and practice). Moscow, 1997, pp. 187-223 (in Russian).
15. Petrenko V. F., Mitina O. V. *Krosskul'turnoe issledovanie stereotipov zhenskogo povedeniya (v Rossii i SShA)* (Cross-cultural research of stereotypes in female behavior (in Russia and USA)). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psikhologii), 2000, no. 1, pp. 68-86 (in Russian).
16. Lu L., Gilmour R. Individual-oriented and socially oriented cultural conceptions of subjective well-being: Conceptual analysis and scale development. *Asian Journal of Social Psychology*, 2006, no. 9, pp. 36-49.